

Скок Наталья Ивановна

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры маркетинга
и муниципального управления
Тюменского индустриального университета

Skok Natalya Ivanovna

D.Phil. in Social Science, Professor,
Marketing and Municipal
Administration Department,
Industrial University of Tyumen

Колтунов Анатолий Львович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры маркетинга
и муниципального управления
Тюменского индустриального университета

Koltunov Anatoly Lvovich

PhD in Social Science, Associate Professor,
Marketing and Municipal
Administration Department,
Industrial University of Tyumen

Артюхов Андрей Викторович

доктор социологических наук, доцент,
зам. председателя Тюменской областной Думы

Artyukhov Andrey Viktorovich

D.Phil. in Social Science, Associate Professor,
Vice-Chairman of Tyumen Region Duma

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ [1]

SOCIAL MOBILITY OF RUSSIAN PROVINCIAL YOUTH [1]

Аннотация:

Статья посвящена исследованию в теоретическом и практическом аспектах социальной мобильности российской молодежи в постсоветский период. Интерес к данному временному отрезку отечественной истории активизировался, что объясняется необходимостью ускоренного развития и модернизации отечественной экономики и социальной сферы. При смене политических и идеологических стратегий РФ главным ресурсом являются молодые люди, рожденные после 1990-х гг. От их мобильности (динамичности) зависит будущее России. Методологической основой анализа проблемы мобильности российской молодежи, проживающей в провинции, является теория социальной стратификации П.А. Сорокина (1927). Авторами показана трансформация значимости видов и каналов мобильности, связанная не только со сменой социально-экономического строя, но и с аномией периода перестройки конца 1990-х гг. В статье обозначены факторы, влияющие на мобильность, обусловленные не только воздействием внешнего окружения индивидов (политического, экономического, семейно-бытового, культурного и др.), но и преобладающей социальной идентификацией (особенностями возраста, нации, пола, психики, характера, мотивационных предпочтений, воспитания и образования индивидов). Именно они, по данным исследователей, определяют вид канала и выбор лифта социальной мобильности. Результатом работы стало обозначение лидирующих траекторий и каналов социального перемещения российской молодежи, связанных с детерминацией выявленных факторов. Исследование осуществлено на основе материалов, полученных в ходе выполнения гранта, в городах юга Тюменской области РФ, которые относятся к категории провинциальных. Это позволяет экстраполировать выводы, сделанные по итогам работы, на большинство малых муниципальных образований России.

Ключевые слова:

виртуальный лифт, канал социальной мобильности, социальный лифт, социальная мобильность, квазимобильность, векторы мобильности, социальный статус, управление мобильностью.

Summary:

The social mobility of Russian youth is considered in the post-Soviet period from the theoretical and practical perspective. The interest in this period of Russian history has intensified because of the need for accelerated development and modernization of the domestic economy and social sphere. Young people born after the 1990s are the main resource for changing political and ideological strategies of the Russian Federation. The future of Russia depends on their mobility (dynamics). The theory of social stratification by P.A. Sorokin (1927) provides the methodological basis for the analysis of the social mobility of provincial youth. The authors show the transformation of the importance of types and channels of mobility associated with both the shift in social and economic system and the anomie of the restructuring era in the late 1990s. The study notes the factors influencing the mobility. They are caused not only by the impact of the external environment of individuals (political, economic, family and domestic, cultural ones) but also by the prevailing social identification (the characteristics of age, nation, sex, psyche, character, motivational preferences, and education of individuals). In the researchers' opinion, these factors determine the type of channel and the choice of the elevator of social mobility. The authors reveal the leading pathways and channels of the social mobility of Russian youth. The research was conducted in the provincial cities of the southern Tyumen region of the Russian Federation within the state grant. This allows us to extrapolate the research findings to the majority of small municipalities in Russia.

Keywords:

virtual elevator, social mobility channel, social elevator, social mobility, quasi-mobility, mobility vectors, social status, mobility management.

Введение. Изучение феномена социальных перемещений людей и социальных групп (в частности молодежи) всегда было актуальной исследовательской и практической задачей. Основные научные подходы к трактовке процесса, как известно, заложены классиками социологии П.А. Сорокиным, М. Вебером в конце XIX – начале XX столетия.

Несмотря на более чем столетнюю историю, исследовательский интерес к проблеме мобильности как проявлению динамического социального процесса не ослабевает и в его научно-исследовательском дискурсе остается немало темных пятен. Среди них наиболее значимыми, на наш взгляд, выступают следующие:

1) необходимость выявления преобладающих в современных условиях развития российского общества источников и факторов экономической, трудовой и профессиональной мобильности (ментальности, идеалов, ценностных ориентаций) и их содержания;

2) определение оптимальных общественных условий для осуществления молодежью восходящего перемещения;

3) предложение эффективного управленческого механизма регулирования социальной мобильности молодежи;

4) комплексное изучение компонентов социальной мобильности с позиции синергетического подхода;

5) выявление эффективности разных социальных лифтов и изучения ее связи с внутри- и внесубъектными факторами.

Результаты авторского исследования, представленные в статье, позволяют дать ответ на часть поставленных вопросов.

Литературный обзор. Сегодня стало традиционным начинать разговор о сущности такого понятия, как «канал мобильности», обращаясь к работам П.А. Сорокина [2] и М. Вебера. В частности, под данным термином они понимали условия и обстоятельства социальной реальности, обуславливающие любое перемещение внутри стратификационной системы общества. Однако отождествление таких категорий, как «канал мобильности» и «социальный лифт», по нашему мнению, является неправомерным. Понятие «социальный лифт», на наш взгляд, следует трактовать как искусственно спроектированный инструмент мобильности, «канал перемещения» – как объективную реальность, то, что функционирует самостоятельно, его экзистенция независима от волеизъявления человека и общества.

В социологической науке традиционно говорят о каналах мобильности, которые представляются как социальные институты и сферы деятельности человека. Неоспоримо, что актуальность разных каналов изменчива в зависимости от исторического этапа. Процесс трансформации общества порождает новые каналы и нивелирует роли старых. В период функционирования Советского государства социальное перемещение шло по следующим каналам: образование, армия, власть. Однако с распадом СССР приобрели актуальность другие, в частности собственность, предпринимательство, принадлежность к криминалу, а такой канал вертикального перемещения, как образование, стал невостребованным, обесценился. Сегодня популярны и работают такие каналы мобильности, как собственность, власть, армия, политика, СМИ. Нетрудно заметить, что перечень каналов остается практически неизменным длительный промежуток времени, но их роль в интенсификации перемещения и выборе вектора развития меняется, что обусловлено разными факторами.

Постоянно трансформирующаяся социальная среда характерна и для России. Именно это обуславливает необходимость активного функционирования каналов для обеспечения мобильности. Однако на сегодняшний день данный процесс представляется крайне сложным в связи с наличием кризисных явлений в ряде социальных институтов (семье, образовании).

Инструментом активизации социальной мобильности, прежде всего вертикальной, служит социальный лифт. В пятой предвыборной статье от 13 февраля 2012 г. «Строительство справедливости. Социальная политика России» В.В. Путин поднял вопрос о значимости этого инструмента в связи с низким вкладом в профессиональное самоопределение и реализацию потенциала личности такого канала, как образование [3]. Неоспорим факт, что именно этот канал (образование) в советский период российской истории обеспечивал высокую интенсивность социальной мобильности, определял преимущественно ее восходящую траекторию, что позволяло держать на высоком уровне размеры человеческого капитала, в частности выраженные через индекс развития человеческого потенциала (далее – ИРЧП). Например, в 1993 г. Россия занимала 27-е место по ИРЧП, тогда как сейчас – только 57-е.

Образование и сегодня является одним из социальных лифтов, или каналов мобильности, но, к сожалению, зачастую в современных условиях он из реального превращается в ложный, иллюзорный псевдоканал восходящей мобильности. Суть иллюзорности состоит в том, что, поступив в высшее учебное заведение, молодой человек оценивает себя и воспринимается окружением как лицо, повысившее социальное положение, тогда как на самом деле обучение в вузе

в большинстве случаев не гарантирует получения интересной оплачиваемой работы по приобретенной профессии, позволяющей поддерживать новый статус или повышать его.

Вторая сторона иллюзорности заключается в том, что статус учащегося или студента требует поддержания через постоянный труд, тогда как большая часть современного студенчества лишь создает видимость обучения. Таким образом, стереотипное представление о наличии больших перспектив у выпускника вуза не находит объективного подтверждения.

В связи с иллюзорностью вертикальной мобильности студенческой молодежи можно также говорить о некоторых других проявлениях псевдомобильности, а именно в тех случаях, когда субъект или целая социальная группа обретает символы принадлежности к высокостатусным позициям, не обладая их истинными характеристиками. Например, когда гражданин покупает в кредит дорогие автомобиль, телефон, квартиру, а рассчитаться не имеет возможности, или человек в результате протекции занимает высокую должностную позицию, а соответствовать ей в силу некомпетентности не может.

Еще одним примером псевдомобильности в современной России может считаться появление новой социальной группы, которую Ж.Т. Тоценко называет «прекариат» [4]. В его трактовке это хорошо образованные люди, выполняющие малооплачиваемую работу, либо имеющие непостоянный низкий доход (преподаватели вузов, менеджеры среднего звена, медицинские сестры, работники детских садов, деятели культуры и т. д.).

Следовательно, в наше время образование нельзя считать полноценным каналом восходящей мобильности. Преодолеть эффект псевдомобильности образования, по мнению ряда ученых, можно через «обучение на протяжении всей жизни» [5]. С данной позицией стоит согласиться, тем более что такое обучение становится все более доступным благодаря цифровым технологиям [6].

Описанные специфические черты происходящих в современном российском обществе социальных перемещений обуславливают поиск новых путей развития социальной мобильности (каналов, лифтов). Не так давно актуализировавшиеся каналы восходящей социальной мобильности, такие как функционирование институтов собственности, предпринимательства, встают в один ряд с традиционными средствами перемещений: политической и социальной деятельностью. Например, по мнению А. Белуза, среди новых каналов следует выделить членство в правящей партии и, что наиболее интересно, принадлежность к оппозиции, инициирование создания новых партий, участие в молодежных общественных движениях [7]. В качестве социальных лифтов в этих каналах выступают практика формирования управленческого и политического резерва, конкурсные отборы, волонтерство, поддержка социальных инициатив через систему грантов и т. д. Ряд авторов обращают внимание, что каналом восходящей мобильности служит не столько принадлежность к политической деятельности, сколько приверженность индивида к содержанию политической концепции власти [8]. По их мнению, мобильность усиливается и ускоряется при выборе в качестве политических ценностей свободы и индивидуализма [9].

Интересную позицию использования социального лифта для активизации экономической мобильности высказал А.Н. Зубец, считающий, что они должны работать не для всех, а лишь для наиболее активной части общества, доля которой в населении составляет не более 10 %, так как остальные 90 % вряд ли смогут эффективно им распорядиться [10, с. 223].

Действенным инструментом для осуществления восходящей мобильности, несомненно, является создаваемая в стране система поддержки талантливых детей и молодежи. Она состоит в формировании условий для обеспечения доступности способным детям любых образовательных, культурных, спортивных учреждений, позволяющих раскрыть, развить и реализовать их потенциал.

Транстерриториальная мобильность также может сегодня выступать в качестве социального лифта, если с ее помощью будут обеспечены самореализация и самодостаточность специалистов в той местности, где есть потребность в соответствующих кадрах. Например, зарубежные исследователи небезосновательно считают, что карьерная и профессиональная мобильность, особенно среди чиновничества, зависит не столько от возраста, ранга и образования, сколько от транстерриториальных перемещений работников [11].

О значимости социальных лифтов в меняющемся мире пишут многие ученые, в частности В.А. Малышев. Он раскрывает ряд причин актуализации данного социального феномена и среди прочих указывает на зависимость уровня общественной стабильности от динамики возрастания численности среднего класса, что в последующем обеспечивает нивелирование последствий проявления молодежных девиаций, профилактики рисков экономической стагнации [12]. Специфика функционирования современных социальных лифтов, отраженная данным автором в его последних работах, связана с тем фактом, что в современном типе информационного социума появляется виртуальный лифт, обеспечивающий реализацию личностного потенциала продвинутой «цифровой» молодежи, которая занимает высокие социальные позиции.

Виртуальный социальный лифт имеет ряд особенностей. Например, возможность продемонстрировать свои «цифровые» навыки предельно большому числу людей обеспечивает максимально широкие перспективы в территориальном и профессиональном выборе и получение огромного количества предложений. Кроме того, виртуальная жизнь позволяет молодым людям актуализировать и применить креативные способности, именно это становится в современном мире самым востребованным товаром на всех рынках. Безусловным является факт объективности в оценке качества предоставляемой виртуальной услуги. При этом использование цифровых коммуникаций понижает конкурс на вакантное место при «входе в лифт». Это связано с ограниченным числом людей, в совершенстве владеющих информационными технологиями, что объясняется зависимостью от возраста, места проживания, уровня образования, финансовых ресурсов.

Интересным новым каналом мобильности становится межкультурная компетенция индивида, которая выражается в уровне владения иностранными языками и знании межкультурных коммуникаций. Данный социальный феномен в качестве социального лифта прежде никем не был описан.

Сегодня бесспорно, что массмедиа – это также социальный лифт. Медийность личности, даже целой социальной группы, узнаваемость выступают инструментом формирования имиджа, переходной ступенью к устойчивому социальному статусу. Для таких сфер, как социально-политическая и социокультурная, использование данного лифта стало общепринятой нормой. Также он имел огромное значение для решения проблем людей с ограниченными возможностями здоровья, для которых сегодня в нашей стране создается доступная среда. Однако нельзя забывать о возможности применения этого инструмента для формирования негативного имиджа, что может привести к ухудшению репутационных характеристик, понижению социального статуса индивидов и профессиональных групп (медицинских работников, представителей жилищно-коммунального хозяйства). Подобная ситуация имела место несколько лет назад с военнослужащими, полицейскими и была успешно преодолена в том числе благодаря деятельности СМИ.

Анализ проблемы функционирования социальных лифтов в сегодняшней России приводит к идее о связи их направления, активности и пропускной способности не столько с диалектикой и динамикой общественного развития, сколько со стратегией политического и социально-экономического выбора. Согласно данному тезису можно предположить, что де-юре будут прилагаться усилия по функционированию таких лифтов, как военная служба и другая военизированная деятельность, образование, медицина, ЖКХ, поддержка талантливой и перспективной молодежи, новаторство, развитие информационных и сетевых технологий. Как будут развиваться события де-факто – прогнозировать трудно. Несомненным является факт, что лидирующие позиции сохраняют такие лифты, как доход (собственность, богатство, капитал), родственные связи, удачный брак, политическая деятельность, принадлежность к определенной профессиональной группе (военнослужащим, чиновникам, финансистам, работникам сырьевых производств).

Кроме того, особое значение в качестве общественной силы и социального лифта приобретает движение добровольцев – волонтерство. Важным является обстоятельство, что не только участие в деятельности общественных организаций способствует как горизонтальной мобильности (что само собой разумеется), так и вертикальной, но и то, что само решение о членстве в объединении и проявление активности выступают следствием не только стечения жизненных обстоятельств, но и актуализации соответствующей потребности – мотивов, воплощенных в установке и активности.

Зарубежные авторы обращают внимание на ряд каналов социальной мобильности, не характерных для российского социума, но имеющих существенное значение в прошлом: борьба за эмансипацию женщин и социальные гарантии меньшинств [13]. Действительно, со времен К. Цеткин в зависимости от стратегии политического курса и развития уровня социального и научно-технического прогресса разные общества отдают предпочтения в осуществлении восходящей мобильности лицам определенного пола или представителям того или иного этноса [14].

В рамках изучаемой проблемы нельзя не затронуть вопрос о внутрисубъектных детерминантах социальной мобильности. И.В. Шпекторенко определяет две группы характеристик, способных развивать имманентную потребность личности в социальной мобильности: ценностно ориентационные проявления индивида (социальная направленность, социальные намерения – мотивы, социальные интересы, социальные ожидания, социальное удовлетворение) и компетентностные комплексы (обучаемость, социальный опыт, культура, навыки) [15]. Указанные группы качеств являются продуктом онтогенеза и социализации.

В связи с этим представляется необходимым конкретизировать способы формирования внутрисубъектных детерминант социальной мобильности в целях выяснения интерферентных механизмов, которые дают сбой при осуществлении онтогенетических или социализационных процессов. Исследовательские разработки последних лет показывают, что социальная активность связана с наборами психофизиологических и личностных качеств, определяющих коммуникативные особенности,

самооценку, уровень притязаний (амбиций) индивида, а также содержание его системы ценностей, причем последнее служит ключом доступа к проявлениям социальной активности и мобильности.

Р.М. Шамионов доказывает, что интенсивность деятельности субъекта зависит от его риск-потенциала, так называемых видов ресурсов, которые дают возможность принимать решения и действовать с высокой долей риска, демонстрируют взаимообусловленность риск-потенциала, целеустремленности и инициативности [16]. Авторитетные западные специалисты в сфере социальной психологии, такие как Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд, в работах описывают взаимосвязь деятельностной активности индивида с показателями мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудачи.

Приведенные доводы свидетельствуют о зависимости влияния как средовых (объективных), так и внутрисубъективных факторов на динамику, силу и траекторию мобильности. Такой междисциплинарный подход к социальной мобильности в свое время был инициирован П.А. Сорокиным (1927). Акцентируя внимание на профессиональной мобильности (меж- и внутрипрофессиональной), великий социолог указывал на значение не только средовых факторов в проявлениях мобильности, но и личностных.

Материалы и методы исследования. Наиболее важную роль играет социальная мобильность только для тех представителей молодого поколения, которые пытаются актуализировать навыки и появляющиеся возможности в целях предельного повышения социального статуса.

В 2016 г. в рамках выполнения гранта РГНФ группа ученых из Тюменского индустриального университета (ТИУ) провела социологическое исследование в форме опроса молодых людей в возрасте 15–28 лет, проживающих в малых городах юга Тюменской области (с населением <1 млн человек и >100 тыс. человек), $n = 1\ 200$. Генеральная совокупность составила $N = 448\ 504$ человека, из них 256 500 женщин и 212 004 мужчины (женщины – 55,1 %, мужчины – 44,9 %) [17]. Использовался вид квотной выборки, обеспечивающий построение модели выборочной совокупности, соответствующей по ряду признаков генеральной (место проживания, пол, возраст). Достоверность полученных данных поддерживается требованиями, предъявляемыми к количеству респондентов в соответствии с размерами генеральной совокупности, представленными в таблице В.И. Паниотто.

Цель исследования состояла в определении преобладающих каналов восходящей мобильности, на которые рассчитывает провинциальная молодежь, а также в выявлении факторов, влияющих на мотивацию и установку к осуществлению перемещений. Задачи заключались в следующем:

- 1) выяснить, какие возрастные и идентификационные категории молодежи являются наиболее мобильными;
- 2) определить внешние факторы, способствующие формированию мотивации и установок на профессиональную и карьерную мобильность;
- 3) уточнить, в какой сфере деятельности молодые люди оценивают свои шансы на восходящую мобильность как максимально большие;
- 4) выявить основные факторы, препятствующие проявлениям социальной мобильности среди молодежи;
- 5) предложить общественные меры, позволяющие молодым людям, проживающим в провинциальных городах, повысить уровень притязаний и получить перспективы на повышение социального статуса.

Результаты. Данные, полученные в ходе исследования, отражают следующую картину, связанную с мобильностью провинциальной молодежи.

1. Наиболее мобильными (в рамках как вертикального перемещения, так и горизонтального) являются представители молодежи, находящиеся в возрасте онтологически значимых событий. К ним относятся молодые люди 15–18 лет (62,3 %), 22–24 лет (67,7 %). В этих возрастных периодах молодежь заканчивает обучение по программам среднего, среднепрофессионального, высшего образования; начинает трудовую деятельность.

2. Молодые люди малых городов более ориентированы на мобильность, чем жители крупных провинциальных муниципальных образований (42,4 и 28,8 % соответственно).

3. Представительницы женского пола демонстрируют более высокую мотивацию на мобильность (как горизонтальную, так и вертикальную), чем представители мужского пола (48,4 % против 40,9 % в общей выборке). Среди факторов, располагающих к проявлениям мобильности, самыми значимыми, по мнению большинства опрошенных, являются постоянное самообразование (58,6 %), коммерческая деятельность (45,4), смена места жительства (18,1), родственные и дружеские связи (16,2 %).

4. Среди факторов, способствующих мобильности, значимое место, по мнению респондентов, занимают такие субъективные характеристики личности, как стремление к достижению цели, упорство (50,7 %), умение устанавливать отношения с нужными людьми (20,3), харизма, умение влиять на человека (22,3), новаторский склад ума (11,2 %).

5. Существенная часть молодых людей считают, что реальные возможности для самореализации, условия для построения карьеры сегодня можно оценить как средние (51,7 %). Высоко оценивают свои шансы на восходящее перемещение 27,6 % респондентов, очень высоко – 4,7 %. Тем не менее большинство представителей молодого поколения полагают, что улучшат собственное экономическое положение по сравнению с таковым родителей (74,7 %).

6. Отвечая на вопрос о том, где имеется больше возможностей для карьерного роста – в экономически развитых странах или России, большинство респондентов ответили, что на Западе (44,9 %). 23,3 % молодых людей указали, что в западных государствах и нашей стране возможности примерно одинаковые. Остальные уклонились от ответа. Представители женского пола и наиболее молодые респонденты чаще давали ответы о преимуществах западной системы самореализации.

7. Исследователям было важно выяснить, чем могли бы пожертвовать молодые люди ради карьерного и профессионального роста. Ответы распределились следующим образом, %: свободным временем – 82,9, уровнем жизни – 35,6, здоровьем – 20,1, личным счастьем – 14,4. В группе склонных к жертвенности преобладают женщины и лица наиболее молодых возрастных групп от 15 до 18 лет.

8. При оценке возможностей на успешное вертикальное или горизонтальное перемещение (транстерриториальное) молодые люди указали на наиболее благоприятные области (каналы для перемещения). Среди них преобладали работа в органах государственного управления (33,1 %); органах внутренних дел – полиции, МЧС (30,8); финансовой сфере (35,4); занятие коммерцией (34,7); трудовая деятельность в крупных госкорпорациях – «Газпроме», «Лукойле», «Сибнефтепроводе» (27,5); труд, связанный с рекламой и массмедиа (38,3); волонтерство и проявление общественной активности (18,4 %).

9. Немаловажно было также выяснить, какие факторы препятствуют проявлению мобильности среди молодежи. К наиболее значимым для них обстоятельствам респонденты отнесли следующие, %: недоступность образования, связанную с высокой стоимостью обучения, – 41,4; плохие бытовые и материальные условия – 35,8; несоответствие консервативного содержания образования запросам работодателя – 36,6. Из субъективных характеристик, имеющих негативное влияние на мобильность, самыми значимыми были названы такие, как неумение презентовать себя (44,3 %), отсутствие или недостаточное проявление асертивности (30,3), излишний перфекционизм (25,7 %).

10. Данные опроса показывают, что наличие амбиций у молодых людей является обязательным условием для успешных перемещений. Ее проявления у респондентов достигают среднего уровня. Об этом свидетельствуют ответы на вопросы о планах на будущее, %: строят планы только на ближайшую перспективу – 40,3; планируют не только ближайшее, но и отдаленное будущее – 36,9; не строят планов вообще – 22,8. Интересно, что чем старше участники исследования, тем чаще они начинают задумываться не только о ближайшем будущем, но и об отдаленном.

11. Эффективность деятельности органов власти по организации мероприятий для успешного функционирования лифтов по повышению мобильности молодежи большинство молодых людей оценили как неудовлетворительную (76,6 %). Отрицательные оценки преобладали у жителей городов с населением менее 100 тыс. человек (88,4 %). В более крупных муниципальных образованиях оценки были более позитивными. В этом случае негативно высказались 58,2 % респондентов. Как отмечено ранее, мотивация на мобильность у жителей малых городов выше, но, вероятно, отсутствие условий для ее реализации не позволяет ее актуализировать.

12. Респонденты также отметили, что наибольшее количество лифтов мобильности представлено в научной, творческой и публичной сферах. Однако доступ к ним, по мнению опрошенных, ограничен следующими обстоятельствами, %: излишним формализмом при представлении документов на участие в программах и проектах – 76,4; слабой объективностью при отборе участников, проявляющейся в виде фаворитизма и nepотизма, – 72,2; недостаточными размерами предоставляемой помощи, необходимой для реализации проектных задач, – 70,3.

Обсуждение результатов. Итоги позволяют говорить о высокой актуальности феномена мобильности среди молодежи провинциальных территорий. Общеизвестно, что соответствующие процессы усиливаются при наиболее кризисных периодах развития общества: военных действиях, революциях, смене социально-экономических формаций, научно-технических преобразованиях, политических разногласиях, проявлении аномии и т. д.

Начиная с 1987 г. в РФ кризисные ситуации последовательно сменяли одна другую, что позволяет говорить о, казалось бы, благоприятных условиях для проявления всех видов и типов мобильности. Несмотря на это, действительность и данные социологического исследования показывают, что мотивации и установки на мобильность у молодых людей, проживающих в провинции, выражены недостаточно. Это связано с рядом факторов, которые препятствуют перемещениям. В свою очередь среди благоприятствующих следует выделить постоянное самообразование, participation к коммерческой деятельности, смену места жительства, родственные и дружеские связи.

Из субъективных качеств личности, способствующих передвижению, максимально важными являются упорство, коммуникабельность, харизматические черты, инновационная ориентация.

В качестве ограничителей мобильности небезосновательно были названы нежелание пожертвовать ради карьерного, профессионального и статусного роста общечеловеческими ценностями (здоровьем, личным счастьем, общением с друзьями и родителями), отсутствие цели и выбранной стратегии, ограниченность личных ресурсов, неблагоприятные бытовые условия, трудности при получении образования и осуществлении самообразования.

В таких условиях значимым ресурсом развития мобильности молодежи может выступать оказание помощи со стороны органов государственной власти, бизнеса, общественных организаций. На данный момент эффективность такого содействия оценивается опрошенными как неудовлетворительная из-за формализации процедуры участия в соответствующих проектах, субъективности при отборе претендентов, низкого уровня финансирования работы лифтов.

Исследование также показало существование закономерности, демонстрирующей, что интенсивность мобильности и сила установок на мобильность выше среди жителей более крупных населенных пунктов, женщин и лиц самого молодого возраста (15–18 лет).

В результате проведенного авторами статьи исследования можно говорить о важности управления мобильностью молодежи через преодоление препятствующих негативных факторов и усиление действия факторов, способствующих мобильности. Одним из важных инструментов в рассматриваемой области, несомненно, остается социальный лифт, представленный в виде проекта или программы, участие в которой доступно представителям молодого поколения любых категорий, проживающим на любых территориях, в том числе в глубинке.

Следовательно, одной из важных перспективных исследовательских задач является разработка механизма управления мобильностью молодежи, проживающей в провинции. Практическая значимость работы в данном направлении раскрывается представлением результатов исследования на заседаниях органов власти, формирующих молодежную политику в Тюменской области РФ, которые легли в основу Концепции новой молодежной политики региона до 2030 г. Кроме того, учитывая, что провинциальные территории России имеют много схожих черт, выводы, сделанные на базе исследования, могут быть экстраполированы на другие регионы.

Заключение. В статье показано, что мотивация и установка на социальную мобильность молодых людей, проживающих на удаленных от федерального центра Российской Федерации территориях – в городах, имеющих население от 100 тыс. до 750 тыс. человек (западносибирской провинции), недостаточно высоки. Стратегически значимой для их повышения является смена парадигмы региональной социальной политики по определению приоритетных инициатив молодежного сообщества на основе принципа субсидиарности. Кроме того, немаловажным направлением в рамках увеличения мобильности молодежи следует признать обеспечение доступности к непрерывному образованию независимо от места проживания и дохода.

Крайне существенной мерой повышения скорости перемещения молодых женщин является создание условий для совмещения ими обязанностей матери, жены и квалифицированного работника. Это не только будет способствовать их мобильности, но и снизит остроту демографического кризиса, который остается актуальным для России.

Как неоднократно указано ранее, одним из главных инструментов, способствующих мобильности молодежи, является использование так называемых социальных лифтов, выступающих не только институциональным, но и общественным средством повышения мобильной активности. Кроме того, в качестве значимых факторов в рассматриваемой области мы выявили повышение доступности участия в мобильных программах за счет уменьшения формальной составляющей, увеличение финансирования деятельности потенциальных участников проектов.

В силу важности и взаимосвязанности изучаемой проблемы с другими сферами социальной жизни процессом мобильности провинциальной молодежи необходимо управлять прежде всего на институциональном уровне. Построение модели управления и разработка алгоритма ее реализации являются перспективной задачей авторского коллектива.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено по материалам, полученным в ходе выполнения гранта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежи».
2. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302–373.
3. Статья Путина – «КП»: Строительство справедливости. Социальная политика для России [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2012. 13 февр. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/25833/2807793> (дата обращения: 01.06.2019).
4. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
5. Bukodi E. Cumulative Inequalities over the Life-Course: Life-long Learning and Social Mobility in Britain // Journal of Social Policy. 2017. Vol. 46, iss. 2. P. 367–404. <https://doi.org/10.1017/S0047279416000635>.
6. Blanden J., MacMillan L. Educational Inequality, Educational Expansion and Intergenerational Mobility – CORRIGENDUM // Ibid. 2016. Vol. 45, iss. 4. P. 615. <https://doi.org/10.1017/S0047279416000350>.

7. Белуза А. 8 социальных лифтов российской политики [Электронный ресурс] // Московские новости. 2013. 12 авг. URL: <http://www.mn.ru/politics/87725> (дата обращения: 01.06.2019).
8. Steinert-Threlkeld Z.C. Spontaneous Collective Action: Peripheral Mobilization During the Arab Spring // *American Political Science Review*. 2017. Vol. 111, iss. 2. P. 379–403. <https://doi.org/10.1017/S0003055416000769>.
9. Wilding P., George V. Social Values and Social Policy // *Journal of Social Policy*. 1975. Vol. 4, iss. 4. P. 373–390. <https://doi.org/10.1017/S0047279400000684>.
10. Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. М., 2014. 463 с.
11. McGregor E.B. Politics and the Career Mobility of Bureaucrats // *American Political Science Review*. 1974. Vol. 68, iss. 1. P. 18–26. URL: <https://doi.org/10.2307/1959738>.
12. Малышев В.А. Методологический конструкт социологического исследования значимости социальных лифтов в жизнедеятельности общества // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 295–303.
13. Statham J., Brannen J., Mooney A. Mobility Within the Childcare Workforce: Evidence for a New Policy? // *Journal of Social Policy*. 2008. Vol. 37, iss. 2. P. 295–309. <https://doi.org/10.1017/S0047279407001754>.
14. Carpenter D., Moore C.D. When Canvassers Became Activists: Antislavery Petitioning and the Political Mobilization of American Women // *American Political Science Review*. 2014. Vol. 108, iss. 3. P. 479–498. <https://doi.org/10.1017/S000305541400029X>.
15. Шпекторенко И.В. Социальные лифты в структуре социальной мобильности индивида // Управленческое консультирование. 2013. № 6. С. 93–103.
16. Шамионов Р.М. Социальная психология личности: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, № 3. С. 236–240.
17. Тюменская область в цифрах (2014–2018) : краткий статистический сборник. Тюмень, 2019. 203 с.

References:

- Beluza, A 2013, '8 Social Elevators of Russian Politics', *Moskovskiyе novosti*, Aug. 12, viewed 01 June 2019, <<http://www.mn.ru/politics/87725>>, (in Russian).
- Blanden, J & MacMillan, L 2016, 'Educational Inequality, Educational Expansion and Intergenerational Mobility – CORRIGENDUM', *Journal of Social Policy*, vol. 45, iss. 4, p. 615, <https://doi.org/10.1017/S0047279416000350>.
- Bukodi, E 2017, 'Cumulative Inequalities over the Life-Course: Life-long Learning and Social Mobility in Britain', *Journal of Social Policy*, vol. 46, iss. 2, pp. 367-404, <https://doi.org/10.1017/S0047279416000635>.
- Carpenter, D & Moore, CD 2014, 'When Canvassers Became Activists: Antislavery Petitioning and the Political Mobilization of American Women', *American Political Science Review*, vol. 108, iss. 3, pp. 479-498, <https://doi.org/10.1017/S000305541400029X>.
- Malyshev, VA 2012, 'Methodological Construct of Sociological Research of the Importance of Social Elevators in the Life of Society', *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 7, pp. 293-303, (in Russian).
- McGregor, EB 1974, 'Politics and the Career Mobility of Bureaucrats', *American Political Science Review*, vol. 68, iss. 1, pp. 18-26, <https://doi.org/10.2307/1959738>.
- Shamionov, RM 2014, 'Social Psychology of Personality', *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, vol. 3, no. 3, pp. 236-240, (in Russian).
- Shpektorenko, IV 2013, 'Social Elevators in Structure of Social Mobility of the Individual', *Upravlencheskoye konsultirovanie*, no. 6, pp. 93-103, (in Russian).
- Sorokin, PA 1992, 'Social Stratification and Mobility', *Chelovek. Tsivilisatsiya. Obshchestvo*, Moscow, pp. 302-373, (in Russian).
- Statham, J, Brannen, J & Mooney, A 2008, 'Mobility Within the Childcare Workforce: Evidence for a New Policy?', *Journal of Social Policy*, vol. 37, iss. 2, pp. 295-309, <https://doi.org/10.1017/S0047279407001754>, (in Russian).
- Steinert-Threlkeld, ZC 2017, 'Spontaneous Collective Action: Peripheral Mobilization During the Arab Spring', *American Political Science Review*, vol. 111, iss. 2, pp. 379-403, <https://doi.org/10.1017/S0003055416000769>.
- Toshchenko, ZhT 2015, 'The Precariat – A New Social Class', *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, no. 6, pp. 3-13, (in Russian).
- Tyumen Region in Figures (2014-2018): a Brief Statistical Collection 2019*, Tyumen, 203 p., (in Russian).
- Wilding, P & George, V 1975, 'Social Values and Social Policy', *Journal of Social Policy*, vol. 4, iss. 4, pp. 373-390, <https://doi.org/10.1017/S0047279400000684>.
- Zubets, AN 2014, *Origins and History of Economic Growth*, Moscow, 463 p., (in Russian).